

КНУД РАСМУССЕН И ИСТОРИЯ НОВГОРОДА*

Датский историк, специалист по средневековой истории Руси Кнуд Расмуссен умер в 1985 г. Ему было 55 лет, и он как раз начинал вместе со своим коллегой по Славянскому институту Копенгагенского университета, филологом и литературоведом профессором Карлом Стифом, работать над трудом по истории Новгорода. Необходимость написания такой истории ощущалась в Скандинавии особенно сильно, не в последнюю очередь из-за того, что в течение более чем трехсот лет существования как самостоятельного государства Новгород был непосредственным соседом скандинавских стран на востоке. Значительную часть этого периода (с 1389 г.) скандинавские страны были объединены в единое государство, так называемую Кальмарскую унию, и можно сказать, что вся Северная Европа в то время состояла из двух больших государств — Новгорода и Кальмарской унии.

Проблема, с которой сразу столкнулись Кнуд Расмуссен и Карл Стиф, заключалась в том, что и в России не существовало подобной обобщающей истории Новгорода, но зато благодаря почти непрерывным археологическим исследованиям Новгорода начиная с 1932 г. количество узкоспециальной литературы росло в геометрической прогрессии. В результате всякий специалист, занимающийся Новгородом, вынужден был значительную часть своего времени тратить только на то, чтобы быть в курсе всех последних исследований, а любой замахивающийся написание обобщающей истории Новгорода идет на риск увидеть свой труд устаревшим уже очень скоро.

Но не эти трудности помешали проекту Кнуда Расмуссена и Карла Стифа; работу остановила только преждевременная и неожиданная смерть Расмуссена.¹

Первые работы Кнуда Расмуссена по средневековой истории Руси относились к несколько более позднему периоду, а именно к эпохе Ивана Грозного. В 1973 г. им была защищена диссертация на тему «Ливонский кризис 1554—1561 годов».² За ней последовало еще несколько работ по тому же периоду, среди них, например, публикация «Записок» Якоба Ульфельдта, описывавшего неудачное посольство к Ивану Грозному в 1578 г.,³ главой которого он был. «Записки» представляют интерес и для истории Новгорода, поскольку впечатления Ульфельдта о России складывались в первую очередь во время его пребывания в Новгороде, где посольство принуждено было задержаться почти на шесть недель. Важной для творчества Расмуссена была также статья об уровне информированности Посольского при-

* Перевод Н. Охотиной-Линд.

¹ Подробнее о Кнуде Расмуссене см.: Линд Дж. Творческий путь Кнуда Расмуссена (к 10-летию со дня смерти) // Археографический ежегодник за 1995 г. М. (в печати).

² *Rasmussen Knud. Die livländische Krise 1554—1561 // Københavns universitets slaviske institut. Studier 1. København, 1973.*

³ *Jacob Ulfeldts Rejse i Rusland 1578 / Ed. K. Rasmussen. København, 1978. S. 7—27.* Сокращенная версия этого предисловия была опубликована отдельно в переводе на русский: *Расмуссен К. О книге Якоба Ульфельдта «Hodoeporicon Ruthenicum».* Frankfurt, 1608 // Скандинавский сборник. Таллин, 1978. Т. 23. С. 57—67. Некоторые поправки к этому исследованию см.: Линд Дж. Х. Впечатления датчан от России в 1578 году: Сравнительный анализ трех путевых описаний посольства Якоба Ульфельдта (в печати).

каза.⁴ Работы по этому историческому периоду были завершены монографией «История России в 16-м веке. Обзор исследований и источников»,⁵ вышедшей в свет уже после смерти автора, осенью 1985 г.

Одновременно с этим уже в 1970-е годы Кнуд Расмуссен обратил свой интерес и на историю Новгорода, что привело в 1977 г. к появлению историографического обзора на датском языке «Великий Новгород в современной советской историографии»,⁶ где он представил наиболее значимые результаты, достигнутые археологами в Новгороде, и где в первую очередь он объяснил значение многих предпринятых В. Л. Яниным пересмотров общепринятых представлений, нашедших отражение в таких его статьях, как «Проблемы социальной организации Новгородской республики» и «Происхождение Новгорода» (обе в журнале «История СССР», соответственно, 1970, № 1, с. 44—54 и 1971, № 2, с. 32—61). Предложенные В. Л. Яниным теории Расмуссен резюмирует в виде следующих четырех пунктов: 1) Новгород был городом не купцов и ремесленников, а бояр. Именно они владели городом; 2) вече было не народным собранием, а собранием бояр; 3) князь не был изгнан в 1136 г., и позиция князя в Новгороде всегда была слабой; то, что произошло в 1136 г., было скорее более органичным включением княжеского института в городскую административную систему; 4) Новгород возник не вследствие призвания варяжских князей и не как естественный региональный центр ремесла и торговли, а как результат федерации двух славянских и одного угро-финского племени.

Расмуссен рассматривает эти теории как логически взаимосвязанные, но по двум позициям он относится к ним довольно скептически: 1) материалы археологических раскопок в Неревском конце, доказывающие, что Новгород был городом бояр, могут быть не репрезентативны для всего Новгорода; 2) толкование Яниным формулировки «300 золотых поясов» из известного документа 1331 г. как выражения, обозначающего вече, вряд ли заслуживает доверия, так как в этом документе рядом с упомянутым выше выражением названы почти все представители новгородской администрации: «...konigh, des konighes rechter, namestnik, borchgreue, possatnick, hertoghe, de heren van Nogarden, der heren rade», и самое важное — то, что немцы называли «eyn dinc». Это «dinc» и должно было обозначать «вече», и Расмуссен не нашел в документе никаких намеков на то, что немцы рассматривали «eyn dinc» и «300 guldene gordele» как разные выражения для одного и того же органа власти.

Вопрос о том, что же должно было обозначать выражение «300 guldene gordele», Расмуссен подробно рассмотрел в его по большому счету единственной чисто исследовательской работе, которую он успел написать по истории Новгорода — в статье «„300 золотых по-

⁴ *Rasmussen Knud. On the Information Level of the Muscovite Posol'skij Prikaz in the Sixteenth Century — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. T. 24. S. 87—98.*

⁵ *Rasmussen Knud. Ruslands historie i det 16. århundrede. En forsknings-og kildeoversigt. København, 1985.*

⁶ *Rasmussen Knud. Velikij Novgorod i moderne sovjetisk historiografi. Forskningsoversigt // Svantevit. II, 2. Århus. København, 1977. S. 65—70.*

ясов“ древнего Новгорода», вышедшей в 1979 г.⁷ Здесь он повторил свои возражения против гипотезы В. Л. Янина о том, что 300 золотых поясов должны соответствовать членам вече и представлять те 300—400 усадьбы, из которых, по мнению Янина, состоял Новгород. В соответствии с предложенным Расмуссеном толкованием нижне-немецкого текста выражение «300 золотых поясов» обозначает вовсе не «300 человек», а 3 представителя или старосты суда Иванского ста, а идиома «золотые пояса» означает, что они представляли «три сотни богатых житых людей».

В. Л. Янин в вышедшей в 1982 г. статье «Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований» лишь мимоходом прокомментировал эту критику, отметив, что «любопытное мнение К. Расмуссена представляется все же не лишенным противоречий», а размеры вечевой площади ни при каких обстоятельствах не позволяют допустить участие большего количества людей. Все же в этой статье В. Л. Янин внес некоторые коррективы в свою первоначальную теорию: теперь он пишет, что в состав вече наряду с боярами входила и наиболее зажиточная верхушка житых людей и представителей от купечества.⁸

Однако позже В. Л. Янин опять вернулся к своей первой гипотезе, рассматривающей вече как собрание, состоящее исключительно из бояр, и утверждающей, что в документе 1331 г. этот орган выступает под названием «300 золотых поясов».⁹ Места для «наиболее зажиточной верхушки житых людей и представителей от купечества» уже не осталось.

Здесь необходимо заметить, что хотя «любопытное мнение К. Расмуссена», возможно, и «не лишено противоречий» и потому может быть оспорено, тем не менее в принципе основная критика Расмуссеном толкования выражения «300 золотых поясов» как обозначения вече, несомненно, сохраняет свою силу: документ 1331 г. называет слово «dīnc» (тинг), которое совершенно однозначно должно пониматься как «вече», и контекст документа не позволяет заключить, что «dīnc» и «300 золотых поясов» — это одно и то же. Для того чтобы убедительно идентифицировать «300 золотых поясов» с вече, необходимо, по моему мнению, сначала тщательно проанализировать систему, в соответствии с которой документ 1331 г. передает названия правящих органов Новгорода.

Наиболее полное и законченное выражение взглядов Расмуссена на историю Новгородского государства нашло отражение в главе о Новгороде, написанной им для первой на датском языке трехтомной «Истории России», вышедшей в 1983 г. В этом коллективном труде Расмуссен отвечал за хронологический период с 1242 по 1598 г., куда история Новгородского государства укладывалась практически целиком.

⁷ *Rasmussen Knud.* «300 золотых поясов» древнего Новгорода // *Scando-slavica.* 1979. Vol. 25. S. 93—103.

⁸ *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // *НИС.* Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 94.

⁹ *Yanin V. L.* *The Archaeological Study of Novgorod: an Historical Perspective* / Mark Brisbane (ed.) // *The Archaeology of Novgorod. The Society for Medieval Archaeology. Monograph Series.* 13. Lincoln, 1922. P. 94.

В этой главе основное внимание уделялось экономической, социальной и внутривластной истории города-государства, в то время как отношения Новгорода с другими государствами, в том числе и с другими русскими княжествами, практически не затрагивались (исключение составляет только последняя фаза новгородской истории — переход под власть Москвы).

Экономическую и политическую основу небывалого роста и расцвета Новгорода в XI в. Расмуссен видел в том, что в то время как многие другие русские города (например, Киев) испытывали экономический и политический упадок вследствие потери значения водного пути по Днепру, Новгород сумел найти новый рынок для своей торговли мехами — в Западной Европе. Торгуя с Западной Европой, Новгород получал большие прибыли, благодаря которым из Польши и Центральной Европы импортировались металлы, обеспечивавшие процветание новгородских ремесел.

Обратив внимание на то, что еще около 1250 г. существовала Большая группа независимых черных крестьян, владевших землей, Расмуссен на основании писцовых книг 1495—1505 гг. сделал заключение, что к концу периода новгородской независимости землевладельцы-бояре абсолютно доминировали в экономическом плане и им принадлежала вся земля. В то же время между группами землевладельцев существовали большие различия, поскольку 1500 из 2000 всех землевладельцев владели угодьями, достаточными лишь для того, чтобы прокормиться, тогда как около 250 из оставшихся 500 землевладельцев обладали 3/4 всех земель в совокупности.

Последнее заключение логически вылилось в обсуждение характера власти в Новгороде (в подглавке «Демократический эксперимент?»). Эти рассуждения также носят сильный отпечаток позиции, занятой Расмуссеном по отношению ко многим пересмотренным Яниным традиционным теориям, и его собственного истолкования выражения «300 золотых поясов».

Как и можно было ожидать исходя из предшествующих статей Расмуссена, он высказывает скептическое отношение к пониманию Яниным Новгорода не как города свободных и независимых купцов и ремесленников, что традиционно рассматривалось как фундамент новгородской демократии. Расмуссен утверждает также, что картина, представленная В. Л. Яниным, неполна, «так как нам известно, что существовали и другие группы населения, помимо бояр и их прислуги». При этом Расмуссен ссылается на упоминание в Уставе князя Всеволода купеческой гильдии при церкви Ивана Предтечи на Опоках. Перевод Расмуссена включает в себя и интерпретацию проблемы и звучит следующим образом в обратном переводе на русский: «Великий князь Всеволод при церкви св. Ивана поставил трех старост от зажиточных людей, двух старост от купцов, а также тысяцкого, представляющего простых свободных людей (черных). Эти персоны должны заниматься всеми делами, имеющими отношение к гильдии, всем, что касается своих купцов и иностранных, и они должны судить все торговые дела».¹⁰

¹⁰ Ср. в подлиннике: «Яз князь великий Всеволод поставил еси святому Ивану три старосты от житых людей и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты, управляти им всякие дела Иванская, и торговая, и гостинная, и суд».

«Мы видим здесь три группы, — продолжает Расмуссен, — которые не были зависимы от бояр: зажиточную верхушку — крупных купцов и мелких землевладельцев; собственно купечество; и наконец — простых свободных людей, состоящих, вероятнее всего, из самостоятельных ремесленников и им подобных. Эти группы населения не управлялись боярами, а имели свою собственную организацию: сотни. Всего существовало десять сотен, и многое указывает на то, что сотни делились по социальному признаку: три сотни для зажиточных горожан, две сотни для купцов и пять — для ремесленников и социальных групп, включавших простых свободных горожан. Во главе всех десяти сотен стоял тысяцкий, который в силу этого был ключевой фигурой в независимой от боярства организации общества».¹¹

В подглавке «Параллельно существующие политические организации Новгорода» Расмуссен рисует следующую картину политической структуры Новгорода, хотя и — как он предупреждает — в довольно общих контурах: «Существовали в принципе две параллельные политические структуры. Первая, охватывающая боярские семьи, основывалась на небольших территориальных общностях — улицах и концах. Общие проблемы и конфликты решались на вечевых собраниях, там же выбирался и посадник. Вторая структура охватывала остальное свободное население, которое было поделено на сотни по социальному критерию, и здесь административным и политическим главой был тысяцкий. Представляется, что тысяцкий и посадник были равными по величине фигурами, каждый из них представлял свою значительную (и по объему, и по влиятельности) группу населения».

«Ясно, что существование двух конкурирующих лидеров в одном государстве было бы неустойчиво», — считает Расмуссен. Но так и не было, по его мнению: «Многочисленные противоборствующие политические силы Новгорода соединял и объединял так называемый „совет господ“, в который входило около 50 человек. В него входили посадник и тысяцкий, бывший посадник и бывшие исполнители центральных органов власти в новгородской политической системе... Здесь сходились воедино все нити власти. Каким влиянием пользовались отдельные группы в разные периоды времени, трудно сейчас решить, но нет никаких сомнений в том, что в последние годы перед 1478 г. решающая роль принадлежала боярам. Город, который покорил московский князь Иван III, был боярским городом». Итак, можно сказать, что в конце концов Расмуссен подходит почти вплотную к гипотезе Янина.

Последним вкладом Расмуссена в изучение истории Новгорода была лекция, прочитанная им в Лундском университете в Швеции 9 марта 1985 г., примерно за два месяца до его смерти. Организаторы выступления просили рассказать о связях Новгорода и Скандинавии на рубеже тысячелетий. Лекция предназначалась для широкой аудитории, — имеющей специального знания русской или новгородской истории, — и это следует иметь в виду, читая публикуемый ниже текст лекции.

Если, описывая политико-династические связи между Скандинавией и Новгородом, Расмуссен имел дело с достаточно хорошо разработанной темой, то рассматривая экономические связи, он выдвигает

¹¹ Politikens Ruslandshistorie. København, 1983. Bd 1. S. 67—68.

нул ряд новых идей, которые, по его мнению, помогали лучше понять процесс становления Новгородского государства.

Отказ Ярослава Владимировича в 1014 г. платить дань своему отцу Расмуссен рассматривал как явную попытку освобождения Новгорода. Но это, согласно мнению Расмуссена, было не результатом личной политики Ярослава, но скорее следствием того, что Новгород очутился в новой торгово-экономической ситуации, при которой вполне естественно для города было стремление вырваться из единого государственного конгломерата, протянувшегося вдоль оси север—юг, т. е. Волхов—Днепр. Дело в том, что экспорт мехов из северных районов на Восток перестал играть важную роль, но вместо этого северные меха нашли широкий рынок сбыта в Западной Европе. Если в более ранней системе торговли товары устремились с запада на юго-восток, а деньги и ценные металлы — на запад, то теперь все стало наоборот: товары потекли с востока на запад, а деньги и ценные металлы — соответственно в обратном направлении.

Поэтому для Новгорода стало более естественным включиться в ось восток—запад, где Новгород, простиравший свою власть на северо-восток вплоть до Урала, сам становился восточным полюсом этой оси, в то время как противоположный полюс на западе должен был обеспечить рынок сбыта. Великая держава, которую пытался создать датский король Кнуд Великий, могла бы стать как раз таким западным полюсом, но кажется, что Дания не поняла значения этой возможности, да и в любом случае вскоре после смерти Кнуда Великого в 1035 г. это новое государственное образование на западе распалось.

Хотя взгляды двух исследователей и в этом не совпадают, но Расмуссен, совершенно как и В. Л. Янин, считал, что стремление Новгорода к самостоятельности было заложено задолго до 1136 г., и его точка зрения также не страдает узостью перспективы: или городское управление, или княжеская власть. Политико-экономическая перспектива, предложенная Расмуссеном, представляется весьма плодотворной для объяснения возникновения Новгородского государства и его ранней истории.

Можно только сожалеть, что Кнуду Расмуссену не хватило времени, чтобы развить до конца свои взгляды на такие фундаментальные проблемы истории Новгорода, а также изложить их в обобщающей работе. Всегда очень важно и дает хорошие результаты, если проблема рассматривается с различных позиций и исходя из разных предпосылок. Легко объяснить, что в новейших исследованиях по истории Новгорода доминирующая роль принадлежит ученым, смотрящим на проблемы с точки зрения археологии; можно сказать, что к истории они пришли через археологию. Исследователи же, исходящие из позиций других дисциплин, в том числе и истории, оказались отодвинутыми несколько на второй план. Но наличие ученой среды, стоящей на единых предпосылках и исходных взглядах, приводит к тому, что возникающие новые теории не сразу подвергаются действенной и плодотворной критике. Вероятно, именно эту ситуацию имел в виду Кнуд Расмуссен, когда он в своей обзорной статье 1977 г. выражал недоумение, почему совершенно безжалостная расправа В. Л. Янина с тради-

ционными представлениями не послужила толчком к горячим научным дебатам в Советском Союзе.¹²

Именно потому, что Кнуд Расмуссен обладал большими способностями для изучения постоянно возникающих (благодаря продолжающимся археологическим находкам) проблем, касающихся истории Новгорода, его преждевременный уход из жизни продолжает ощущаться как большая потеря.

Дж. Х. Линд

¹² Этим, может быть, объясняется то, что многие выводы В. Л. Янина не получили полного признания среди ведущих западноевропейских исследователей. К примеру, см. мнение Carsten Goehrke о вече в издании: *Handbuch der Geschichte Russland*. Stuttgart, 1981. I. S. 461.